

Михаил Жутиков

ПРОКЛЯТИЕ ПРОГРЕСА

Михаил Жутиков

**Проклятие прогресса: благие
намерения и дорога в ад**

«Алисторус»

2007

УДК 504
ББК 28.08

Жутиков М. А.

Проклятие прогресса: благие намерения и дорога в ад /
М. А. Жутиков — «Алисторус», 2007

Справедлива ли естественно-научная картина мира, на которую мы привыкли всецело полагаться? Не коренится ли причина планетарной экологической катастрофы в самом научном методе? Утвердительный ответ на этот невероятный вопрос дает настоящая книга. Король научного познания гол, и это видно уже очень многим, но кто-то должен произнести это вслух. Несовместимость технологической практики, основанной на научных предпосылках, с планетарной жизнью получает неожиданное и исчерпывающее объяснение. Отсюда неизбежен вывод о необходимости перемены фундаментальных мировых стратегий – отнюдь не развитие «энергетики» и «экономики» в нынешнем представлении о них, напротив, свертывание того и другого – единственная альтернатива доктрине «золотого миллиарда»: «права природы» оказываются рангом выше «прав человека», поскольку включают их в себя. К каким последствиям для России привели ее европеизация и обезбоживание? Этому посвящена вторая часть книги «Русская душа как причина русской истории». Книга-сенсация, с обобщениями самого серьезного уровня, написана в манере, доступной для широкого круга читателей. Автор – известный публицист, кандидат технических наук. Фрагменты книги (в частности, «Зеленая стратегия») были опубликованы в столичной периодике и вызвали подобие читательского шока у многих поборников научного прогресса.

УДК 504
ББК 28.08

© Жутиков М. А., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

От автора	6
Доброкачественна ли цивилизация?	7
Предисловие	7
Научная картина мира как фактор его поражения	9
1. Диагноз	9
2. Ребенок, ковыряющий гранату	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Жутиков

Проклятие прогресса: благие намерения и дорога в ад

От автора

Провинциалам пятидесятых

Эта книга состоит из двух частей. Первая и основная часть посвящена технологическому натиску на планету, развившемуся как следствие в корне ложного – так называемого естественно-научного – представления о мире; вторая («Русская душа как причина русской истории») – происходящим уже не один век в России процессам ее духовной деградации вследствие опять-таки ложного – атеистического, светского и наихудшего из всех – интеллигентского – понимания возможностей и целей ее развития. Оба искажения, накапливаясь в течение так называемого Нового времени как отклонения от некоторого *пути* (или, возможно, являясь своего рода негативным предопределением), проявились в достаточной полноте в XX столетии и благодаря этому стали *видимыми* нам всем. Осталось не закрывать глаза на это видимое – но именно к подобной страусиной тактике склоняет нас утешительная привычка. Размеры и общность опасности, впрочем, таковы, что не могут не побуждать к перемене отношения к ней на зрячее.

Предпринятые в обеих частях *сопоставления* приняты в качестве приема исследования. Характер сопоставлений различен, но цепочка взаимосвязей прослеживается сходным образом в материалах I и II части. Поясним ее действие на примере из отечественной истории. Возьмем за первое звено исторической цепочки демократические убеждения русского поэта Н.А. Некрасова: искренняя любовь и сострадание великого поэта к народу (крестьянскому *миру*, быту, труду) – некрасовский «Современник» – демократы-революционеры (Чернышевский и др.) – организация «Земля и воля» – «Народная воля» и другие боевые партии – основание РСДРП – февральский, а за ним октябрьский переворот 1917 г. – коллективизация 1929–1933 гг. – гибель (суммарно с Гражданской войной) свыше 30 млн. крестьян-хлеборобов, то есть гибель того самого крестьянского *мира*, во имя которого честнейшим образом положил свою жизнь поэт и редактор Н.А. Некрасов (и в итоге – закабаление уцелевших крестьян новым крепостным игом, худшим прежнего). Как видим, на всех этапах в качестве цели действует некий положительный идеал, но цепочка в целом приводит к результату, не просто противоречащему исходной цели, но вопиюще ей *обратному*. Сходная диалектика прослеживается и в развитии материалистической науки XVI–XX вв. от Коперника и Кеплера до Хиросимы и Чернобыля. Это позволило объединить материал I и II части в единую книгу и дать ей общее название.

Оба исследования (как мы надеемся) *достаточно* субъективны; общая их особенность – стремление довести исследование до корневых причин происходящего (субъективность слугит тому только инструментальным средством). Но если ложности пути России в XX веке (включая и либерально-демократический переворот, в целом усугубивший ложь) посвящены многие исследования, то о ложности так называемой естественно-научной картины мира, приведшей к тяжелейшим планетарным последствиям, не говорится вовсе. В этом отношении первая из двух частей, по-видимому, наиболее шокирующая для читательского восприятия и далее ее особо предваряет предисловие, для начала могущее показаться странным; однако оно – всего лишь поясняющее.

Доброкачественна ли цивилизация?

*Итак, я начал рассматривать лицо слепого; но что прикажете
прочитать на лице, у которого нет глаз?*

М. Ю. Лермонтов

Предисловие

Данная работа возникла первоначально как совершенно самостоятельная попытка выявить истоки экологического кризиса XX столетия. В своем развитии эта тема, постепенно углубляясь и все обрстая, что называется, сюрпризами, образовала цепочку выводов, отчасти шокирующих, – но в результате множество разнородных фактов обрело общий подход. Выстроенная авторская версия, изложенная систематически, составила содержание этой части книги. В силу своей специфики, она потребовала развернутого изложения с привлечением по возможности разносторонней аргументации, а затем и выработки некоторых программных положений. В заключении работы сформулирована Зеленая стратегия, представляющая собой сжатый итог исследования.

Таким образом, настоящая работа в целом не есть интерпретация чего-либо известного, а выраженные в ней взгляды далеки от общепринятых.

Содержание предпринятого исследования, кратко, состоит в следующем. Итоги технологического развития эпохи научной и промышленной революций XVII–XIX вв. в Европе и в особенности итоги форсированного развития технологий XX века в мире в самом общем виде могут быть охарактеризованы как построение внутри земной природы искусственного (синтетического) мира – технологической цивилизации, и в его отношении к природе можно усмотреть ряд черт, свойственных недоброкачественному *физиологическому* новообразованию внутри животного организма. Эти черты оказываются отнюдь не только внешними и совсем не поверхностными, – между двумя структурами обнаруживается глубокое родство. Соответственно, развитие обеих идет в направлении подавления функциональных жизненных процессов.

Поверить в столь серьезную аномалию окажется возможным, если станет ясна ее предопределенность. В подкрепление несчастливой метаморфозы существует своего рода «опора на причину». В работе обосновывается утверждение, что планетарная экологическая катастрофа XX столетия (именно так следует квалифицировать углубляющийся планетарный кризис технологического отравления Земли) как возможность *логически* содержится в самих истоках научного знания – в аналитическом *методе* как таковом (неправомочность метода относится не только к научно-технологическим, но и к научно-социальным, научно-биологическим и другим новациям – к «научопроизводимой» цивилизации вообще: ярким примером тому служит научная идея коммунизма и процедура ее внедрения в российскую практику; примеры вообще неисчислимы). Принципиально, что это никакие не «ошибки» или просчеты метода, но сам он оказывается глубоко чужд функциональной Жизни с ее бесчисленными взаимосвязями.

В то же время аналитического инструментария, научного знания оказывается совершенно достаточно для строительства (синтеза) искусственного мира, в котором правота научных законов уже непререкаема, – только сам он, этот мир как целое, оказывается более и более враждебен живой природе (следовательно, человеку). Сегодня этот мир прорастает в ее живые ткани, отключая, одну за другой, связи человека с корнями жизни и уничтожая саму ее на Земле.

Таков «предварительный диагноз» происходящего – и это именно диагноз, а отнюдь не метафора. Если он справедлив, то практика XX столетия, по существу, отвергла аналитический научный метод познания – другими словами, математизированное (вообще *логизированное*) естествознание не в частях, а в целом ложно в своей *основе*. Ценность научного знания, таким образом, незаметно для нас поменяла знак: чем одареннее ученый, тем даже потенциально более он содержит в себе возможность нанесения вреда.

Отсюда неизбежен вывод о необходимости перемены фундаментальных мировых стратегий (базовых концепций) развития: экономической, энергетической, технологической, о смене самой парадигмы – о приоритете *интересов природы* над интересами человеческих сообществ, категорическом отказе от «вырывания» у природы тайн, от насильственного ее преобразования. «Права природы» оказываются рангом выше «прав человека», поскольку сами эти последние обращаются в ничто при подрыве оснований жизни. Что до самой технологической цивилизации во главе с паразитической энергетикой, то она должна быть подвергнута разумно-постепенному, но неотложному и глубокому системному демонтажу. По существу, почти вся она должна быть демонтирована – задача только в том, чтобы избрать должную последовательность, минимальные сроки и минимальную ей замену в части энергетики, транспорта и т. п. – либо вся она рухнет с еще большим треском, чем мировой коммунизм. Важно, что при этом научный инструментарий вовсе не отвергается, скорее, обретает, в известном смысле, свое истинное назначение. Требуемая постепенность лучше всего выражается формулой «торможение» – т. е. снижение, первым делом, *скорости* наращивания ряда производств в мире, прежде всего, производства энергии. То, что при этом необходимо опираться на «разумную договоренность» (и прежде других, межгосударственную), может порождать довольно глубокий пессимизм, – но гораздо более обоснованный пессимизм содержат в себе перспективы дальнейшего расширения технологической «опухоли».

Таким образом, диагноз – не приговор, а возможный стимул радикально иного отношения к жизни, основание для глубоких перемен.

Первый раздел («Диагноз») является исходной точкой исследования: дальнейшее опирается на диагноз как на *факт*, получающий, однако, в исторической ретроспективе новое углубленное обоснование. Именно в опоре на факт состоит главное отличие развиваемого нами воззрения от суждений теоретиков прошлого об опасности научных представлений, которые (суждения) легко могли быть (и были) проигнорированы: длительное время научные открытия воспринимались как победа разума, т. е. выступали в форме, лестной для человеческой гордыни; факт поражения жизни отвергнуть уже нельзя, возможны лишь те или иные, никак не утешительные, его интерпретации.

Сделаем одно примечание. Нетрудно заметить, что в работе мы сами используем метод анализа, отвергаемый как метод познания. Это прямая необходимость: с людьми материалистической выучки (нынче это 9/10 активного мира, и работа адресована по преимуществу им) следует говорить на их языке – языке какой ни есть логики: иного не станут слушать. Никакого «порочного круга» здесь нет. Для верующего читателя интерпретация происходящего самоочевидна.

Заметим уж к слову, что логика, может быть, вообще любезна всем нам оттого, что понятна и доставляет почти единственную основу для умозаключений. Однако к истине она может иметь отношения не более, чем поиск монеты под фонарем только потому, что под ним светло. Ищущих не там, где потеряли, а там, где «светло», не так мало на свете, как может показаться. Для этих господ мы потрудились перенести «монету» под их фонарь.

Научная картина мира как фактор его поражения

1. Диагноз

Неслышимый фон многошумных общественных коллизий минувшего XX и наступившего нынешнего века – растущее угнетение и начало гибели земной природы. На наших глазах расшатываются и рушатся многотысячелетние – как Арал – и многомиллионнолетние – как озоновая пленка атмосферы – равновесные константы, климатические циклы природы; массивно гибнут целые виды живого: каждые 20 минут исчезает один биологический *вид* («Бюллетень Центра экологической политики России» под ред. А.В. Яблокова, 1998, № 3). Идет, в частности, поступательное омертвление вод континентальных и островных рек (европейских – от Сены и Дуная до Невы и Волги), целых морей (Балтика, Азов), вод крупнейших мировых озер. Лесному зверю и птице неоткуда напиться неотравленной воды. Сохранность видов не обеспечивается даже внутри территорий, номинально признанных заповедными, а сами эти территории сжимаются. Простое перечисление зон радиационного заражения угрожает: «шлейф» Чернобыля, Южный Урал, Алтай, полигоны Новой Земли, Семипалатинска, Невады, Синьцзяна, атоллов Таити, бомбовые следы Японии, Ирака, Сербии, – перечислены заведомо не все. В этом же гибельном ряду – распыление над значительными площадями населенного (не только людьми!) земного мира уже тысяч тонн высокотоксичного ракетно-космического топлива, не говоря о газовом выбросе продуктов горения; нарастающее облучение всего живого (например, перелетных птиц) высокочастотными полями спутниковых и иных радиосистем, способное вызывать в живых клетках бесчисленные губительные резонансы (как известно, явление резонанса состоит в резком *усилении* колебаний при *самом слабом* воздействии); прямое индустриальное усечение жизненного ресурса природы – узаконенная порубка кедра, вылов рыбы и моллюсков в угнетающих популяции размерах, набирающий темпы бой китов, осушение болот и малых рек, поступательное истребление уральской и печорской тайги, равно как и амазонской сельвы, – масштабы и множественность форм планетарного поражения природы сегодня таковы, что для основательного изложения только фактического материала требуются многие тома. Времени для их написания и осмысления остается все меньше. Между тем самые впечатляющие цифры и доводы, случается, меркнут перед наглядным и неожиданным сопоставлением. Оно особенно действенно, если удастся затронуть существо явлений: выводы, полученные «по аналогии», могут далеко опережать аналитические, не уступая им в убедительности. Мы попытаемся установить *предварительный диагноз* происходящего, сопоставив две формы поражения жизни. За примерами из реальности не станем уходить слишком далеко.

...На картах послевоенной Москвы можно видеть поначалу неспешное разрастание благородно пламенеющего массива столицы; скоро в некотором отдалении от него являются пятнышки городов-спутников, их все больше, они набухают, наливаются, идет взаимное их сближение с главным городом. В 1960 году между ними и городом твердо прорезывается Кольцевая автомобильная дорога, рассекая надвое последний значительный зеленый сектор – Лосинный остров, отграничивая Москву от прочего мира. Операция не оказалась успешной: город и спутники продолжают сближаться и сливаются; благородный овал столицы украшается могучими приростами-клевнями – затаенные бухточки, луночки, пятнышки зеленого заплывают и заплывают алым...

Похожие процессы преобладают на все больших участках карты мира. Не напоминают ли чем-то характерным эти процессы, эти очаги – их зарождение, рост, слияние – роста метастаз в пораженном организме?

Зачем же сразу... так мрачно? Может быть, ветрянка или, на худой конец, лишай? Если не шутя: допустимы ли вообще подобные параллели? И наконец, обывателю-то что за хлопоты: разве не уделяется повсюду в мире все более и более внимания среде обитания, ее сбережению, замкнутым технологическим циклам?..

Это несомненно так, уделяется! – а багровое и серое на картах ширится, зеленое на картах сжимается. Сравнение земной природы с шагреневой кожей стало общим местом. К тому же, как нетрудно заметить, процессы современной экспансии отнюдь не сводятся к механическому расширению занятых нашим присутствием площадей и к проблемам роста народонаселения. Нет числа большим и малым искажениям естественных природных циклов, вносимым в жизнь природы (следовательно, человека) современными технологиями, к которым проблемы демографии сами по себе имеют отдаленное отношение. Если говорить об искажениях «малых», то в той же Москве ласточки напрочь вытеснены помойными голубями, сосны – тополями, а живые соловьи – автомобильными (поющими круглый год и полные сутки); соль, сеемая на дороги, только за две зимы съела три четверти лип¹; углеводородами Капотни заносит населенные (не только людьми!) низовья реки – перечислять далее нет необходимости. Так ли уж повинны во всем этом проблемы роста народонаселения?

Часть подобных искажений может представляться локальной или почти невинной. Но, приглядевшись, мы скоро отметим случаи отравления насмерть традиционно съедобными грибами в среднерусских лесах, поражения тяжелыми металлами печени у охотников, дерзнувших вскипятить себе чаю на воде лесного (!) ручья; а взглянув пошире, увидим настораживающие климатические странности – сходы снеговых лавин на альпийские курорты, неведомые до того во весь период их (курортов) существования, отрыв сверхкрупных массивов льда от антарктической шапки (крупнейшие из таких, по данным информационных агентств, достигают десятков морских миль в поперечнике) – при тектоническом спокойствии полюса происходящий, надо полагать, из-за резкого нарушения энергетического баланса в атмосфере; обнаружим изменение состава атмосферных осадков, «тихую» эпидемию свинца и «громкую» пестицидов, отравление дустом и радиационное заражение вод всех четырех океанов... Дело катится к концу комедии?

Речь идет, несомненно, о новом *качестве* поражения земной природы и – неотрывно от нее – здоровья человека. От механического теснения зеленого мира минувший XX век – с его резким, взрывным ростом производства энергии, испытаниями и производством новых вооружений, становлением химического синтеза, проникновением в микромир и наследственность, прорывом в ближний космос, зомбированием человека внушаемыми ему псевдопотребностями – перешел к фронтальному уничтожению земной и околоземной жизненной сферы – основы ее собственного и нашего существования. Непрерывно находимые наукой «выходы» из непрерывно ухудшающегося положения с очевидностью ведут в никуда. Не видать в тумане приближения «ноосферы» Владимира Вернадского, но слышнее тяжкая поступь *коней* Иоанна Богослова... Что же происходит?

Внедряя научно обоснованные (равно и малонаучные, и вполне бредовые) технологии в практику, мы строим внутри природы чуждый ей искусственный мир – технологическую цивилизацию. Понятно, что, строя что бы то ни было, даже копая огород, мы воздействуем на внешнюю природу. (По словам Б.Пастернака, «И на дорогу за тын перейти Нельзя не топча мирозданья»). Есть, однако, различие между огородом и искусственным миром. Строя этот последний, мы создаем то, чего принципиально нет в природе: реквизуя рассеянные в ней ком-

¹ Оценка 2000 года.

поненты, мы по-новому организуем их, выстраиваем в порядке, определяемом собственными законами, упорядочиваем. (Притом, как можно заметить, именно технологии, разделяющие и по-новому объединяющие компоненты, т. е. технологии *научные*, престранным образом – точно бьющие в некую «точку» – оказываются радикальнее, «злее» любых прочих – замечание, отчасти забегающее вперед, предваряющее...) В известном смысле мы подражаем природе и соперничаем с нею в созидании. (Одним из сильнейших стимулов «созидания» изначально был и остается, разумеется, военный). Если продолжить немудреное сопоставление, то огород (не отравленный селитрой, ядами – в конечном счете, той же *наукой*) *воспроизводим*, он включен в кругооборот веществ и энергии, связан бесчисленными жизненными узами с живыми же процессами природы (к примеру, с работой бактерий и фотосинтезом) – он, хотя и теснит дикую природу, сам *живой*: его рыхлят медлительные черви, по нему перелетают насекомые-опылители и бабочки-«вредители», ходят хозяевами скворцы, трясогузки, долгоносые грачи, бегут едва различимые чудесные жучки; над ним вьет паутину паук, а то и гнездо в кустарнике (под защиту человека!) отважная птичка и т. д. – технологии *научного* генезиса строятся на *мертвых* аналитических законах, они попросту слепы к природе и в лучшем случае нейтральны к ней – в нашем же веке более и более сокрушают ее...

Требовать от подобных технологий, чтобы они сделались «живыми», не приходится по самому определению; не о том уже и речь. Опаснейшее уродство этого строительства состоит в том, что практически ни одну из современных технологий, развитых на аналитической основе, не удастся окружить со стороны внешней природы сколько-нибудь глухой «капсулой», как это свойственно, к примеру, *доброкачественным* новообразованиям в животном организме. С другой стороны, некоторые параллели в истоках современного технологического развития, сама глубина его уродства позволяют предположить информационные, «генные» основы поражения – что сближает современные технологии не с внешне привнесенными недугами в животном организме, но, скорее, с неким информационным («программным») преобразованием в нем – прежде всего, с *недоброкачественной* опухолью. Косвенно это подтверждают и характерные *видимые* черты сходства: необычайная агрессивность «клеток» новообразований (элементов технологий), их относительная простота и однородность (примитивность алгоритма), множественность очагов, растущее напряжение планетарного организма, монотонное отступление жизни без признаков равновесия, нарастание скорости...

Сравнительный диагноз – вещь рискованная, в обосновании его неизбежен известный произвол. При желании легко сыскать в современном развитии признаки сразу многих заболеваний. Следует помнить, что мы лишены самой возможности корректного сравнения: наш пациент *единствен*. Но единственно, конечно, и значение пациента – бесценной нашей природы. Такая ответственность темы требует рассмотреть черты сходства подробнее. Что же это за черты?

Научно-техническая (равно и научно-биологическая, научно-социальная, вообще «наукопроизводимая») цивилизация строится по простым и устойчивым законам: познанным современной наукой законам теоретической физики, химии, экономики, генетики и т. д., то есть по законам математизированной, *логизированной* науки – по законам (утверждаем мы) простейшим и самым поверхностным, сравнительно с неизвестными нам более глубокими законами жизни. (Последняя, заметим, вся «невероятна» и развивается скорее по законам «женской» логики – но это в скобках.) Весьма подобно этому, *физиологическая* опухоль строится и воспроизводится по упрощенным схемам, по относительно простым законам – сравнительно опять-таки с организацией функциональной жизни; сами по себе эти законы достаточно сложны и едва ли проще законов квантовой физики. В этой сравнительной *простоте алгоритма* заключены главная сила и, так сказать, надежность и устойчивость обеих структур. (Устойчивость здоровой жизни совсем иной природы – она сродни устойчивости «ваньки-встаньки», но это опять же в скобках.)

И опухолевая клетка, и ячейка технологическая используют окружающее живое вещество как *материал* для своего строительства, игнорируя взаимосвязи этого живого вещества, *прорастая* в него и замещая его собою. И та и другая структура, таким образом, строятся извне по отношению к окружающей жизни и даже вопреки ей, но за ее счет, питаясь ее соками и надвигаясь на нее. Следствием является нарушение естественных кругооборотов. Помимо того, что опухоль (та и другая) «не спросясь» занимает живую территорию, то и другое строительство сопровождается искажениями в обмене: не отводятся обычным путем отходы (того и другого) производства, им нет потребителей на месте; что было благом для жизни, перерождается в лучшем случае в балласт. Компоненты живого целого, организованные по-новому, перекрывают (природе и больному организму) либо захламляют каналы нормального кругооборота веществ и тем прерывают неведомые строителю жизненные циклы. Паразитически поглощаются необходимые жизни вещества и накапливаются чуждые ей и угнетающие ее... (Разумеется, *живым материалом* пользуется и живое. Но оно само включено в кругооборот, в многомерные цепочки взаимосвязей, не «прорастая», вместе с тем, в «чужое», сохраняя некую жизненную линию, генный код и не создавая структур, враждебных функциональным тканям природы, – оно «признано» многомерным окружением, являясь само для него материалом. «Чуждость» искусственного мира заключена в чуждости алгоритма, которая проявляется в извращении взаимосвязей, резком усечении самой полноты приятия живого, отчуждении от мира Жизни. Грань между мирами неизменно ощущается как линия фронта.)

Как уже говорилось, *форма* развития того и другого образования не одиночно-очаговая, локальная, но *многоочаговая*: имеет вид множественных зачатков. В случае цивилизации это территориально новые очаги (энергетические узлы, промышленные зоны, аэро- и космодромы и т. д.), а также явления информационного переноса: взаимодействие научных школ и отраслей наук вплоть до их *слияния* (физическая химия, химическая физика и т. п.). То и другое приводит к расширению потребности в живом материале. Метастазы физиологической опухоли образуются также двояко: путем физического переноса клеточной ткани с кровью и по лимфе и путем информационного переноса, механизма которого мы пока не знаем (в последнее время появились исследования, это подтверждающие). Первичен и в этом случае оказывается *информационный* перенос, вследствие которого удаление опухоли не дает окончательного эффекта. Множественность и вместе с тем однородность, сродство структуры очагов препятствуют их локализации (блокировке организмом), ведут к их слиянию и являются отличительной особенностью злокачественных образований.

В результате ширящегося наступления физиологической опухоли функциональная жизнь в пораженном организме вынуждена *отступать* в зоны относительного здоровья, где пытается мобилизовать защитные ресурсы, нагрузить здоровые части организма задачами, до того им не свойственными и все более их изнуряющими. В природе мы видим поначалу попытки одолеть «опухоль» изнутри ее самой: это прорастание травы сквозь асфальт, заселение разнообразной жизнью промышленных установок и устройств и т. п. (В результате одного такого «заселения» в 1983 году колонией термитов была перемкнута важная цепь в аналитическом устройстве Центра стратегической разведки США. Замыкание интерпретировалось как начало ядерной войны, и едва не состоялся «встречный» пуск ракет².) Однако растущая активность человека заставляет жизнь и здесь отступать в зоны здоровья. (Не следует переоценивать степень этого здоровья. Шансы на выживание таких зон, сжатых до некоего минимума, сохраняются уже ценой вырождения, а при дальнейшем сжатии резко падают. Существует, в частности, минимальная площадь выживания леса – нельзя сколь угодно часто рассекать

² Сообщение об этом промелькнуло крайне глухо – при этом проверить сам факт у нас нет возможности. Однако он настолько сродни великому множеству *реальных* фактов, а в то же время по своей яркости настолько выразителен в отношении *тенденции* и *возможных* последствий и форм происходящих процессов, что ему оставлено место в тексте. Большинство приводимых в работе примеров мы сопровождаем необходимыми ссылками.

его дорогами.) На оставляемой территории поражается все больше функций природного мета-организма (гибель почвенных, речных, океанских микроорганизмов; перерождение облученных особей; кислотные дожди, идущие вместо обычных, угнетают жизнь растений, насекомых, земноводных, птиц; вокруг протекавших нефтеносных танкеров на многие десятки километров подавляется живое и т. д.). Оба процесса идут поступательно в одном направлении, *без признаков равновесия*. Все более сужаются каналы поддержки между зонами – как в пораженном организме, так и в природе. В природе является все больше объемов, из которых живое вытесняется, хоть на время, полностью: если ранее это могло быть в жерлах вулканов, то сегодня это имеет место внутри объемов горения, взрыва, ядерной реакции (силовые установки, двигатели, горящие газовые струи), внутри некоторых химических веществ... Таких объемов становится все больше, а катастрофы, связанные с деятельностью человека, начинают преобладать над естественными и все чаще провоцировать естественные (к примеру, хищнически вырезаемая сибирская и уральская тайга открывает путь на Европейский континент тихоокеанским ураганам и т. п.)

Вместе с тем нужно отметить, что территория в обоих случаях не сразу оставляется полностью и на ней до последнего идет «партизанская» борьба.

Можно видеть, наконец, что *скорость* вышеупомянутых процессов поначалу невелика как в живом организме, так и в истории цивилизации: эти процессы идут поначалу в «спящем» режиме, образуются лишь некие зачатки, которые могут свертываться не развиваясь. Но начиная с некоторого момента часть из них вдруг трогается в рост, и скорость начинает нарастать. Занятие здоровых территорий – в природе и в больном организме – идет в некоторой прогрессии и затем лавинообразно. Если говорить о современной технологической цивилизации, то стремительность ее развития набирается на протяжении всего полутора-двух последних столетий, то есть в течение ничтожно короткого срока сравнительно с возрастом человечества (но фактически совпадающего, опять заметим, с периодом *научного* вмешательства в природу).

Стоит напомнить, что злокачественное образование, губя больного, не успевает довести дело до метаморфозы его тела, до логической своей «простоты» – больной еще сохраняет видовой и даже индивидуальный облик, еще дышит, осознает, еще даже борется, – но важные функции организма поражены, и победа ускользает.

Природа точно так же может сохранять живой многовидовой облик, но быть уже опасно поражена. Сохранение *видимости* не равносильно сохранению жизнеспособности.

Не будем томить читателя.

Конечно же, взгляд наш не проникает (пока) в микроструктуру изменений, обследование напоминает разве поверхностный осмотр. Итог осмотра неутешителен: современная технологическая «опухоль» обнаруживает ряд признаков, свойственных злокачественному новообразованию. При отмеченной уже единственности пациента нельзя уверенно говорить о стадии заболевания, но лишь о направлении его развития: это направление *злокачественного перерождения*.

Отступление

Все это представляется невероятным. Могло ли технологическое развитие, еще вчера целесообразное (возбуждающее и теперь обильные надежды), обернуться столь серьезной аномалией? Поверить в подобное преобразование будет возможно, если станет ясна его предопределенность. В подкрепление несчастливой метаморфозы существует своего рода «опора на причину».

Ниже мы попытаемся показать, что враждебность (не просто чуждость) синтетического мира живому (следовательно, человеку) коренится в самой природе научного знания. Но прежде отметим, что среди многотрудных проблем сравнительного диагноза особенно драматическая состоит в том, что организм земной природы не дает нам знать о своей *боли*. Неясно,

можно ли говорить о возможности подобного ощущения применительно к природе. Что считать ощущением боли у природы, если ее крик беззвучен? Редкое дерево и редкий зверь страдали меньше, чем двуногий волк, но природа не жалуется – и не помнит зла. Она не враждебна человеку и не борется с ним, но лишь с выстроенным им – враждебным ей и нам – миром, однако и при этом как-то чудесно обтекая, осваивая его, пытаясь внедрить в него свою живую суть, переработать его в нечто подобающее, вернуть компонентам их прежнее, осмысленное значение. Крики жалоб? Безвинная и бессловесная, она своей наивной жизненной силой пытается удержать расплывающуюся основу своего и нашего существования – но упорен сынок-победитель в искоренении той основы...

Может быть, «криком боли» следует считать монотонное нарастание концентрации углекислоты в атмосфере Земли и то, что вопреки ожиданиям теории это не приводит к более интенсивному росту растений? (См.: *Моисеев Н.Н.* Модели экологии и эволюции. М., 1983. Забавно, что эта теория оценивает повышение температуры атмосферы вследствие парникового эффекта на 1–2 градуса *в десятилетие* как вполне допустимое: бестактно интересоваться, допустил бы какой-либо теоретик такие же темпы для температуры *собственного тела*: ну, к примеру, чтобы к пятидесяти годам она достигла 46,6 градусов.) Среди вызывающих доверие современных прогнозов ближайших (в том числе парадоксальных) последствий парникового эффекта отметим анализ *А.Карнаухова* (см. «Парламентская газета» № 15, 2005 г.: «Мамонты уйти не успели. Успеет ли уйти человек?») В модели прогнозируются последствия таяния (уже начавшегося) арктических льдов, в результате которого более легкое пресноводное течение заглубляет Гольфстрим, с последующим ледниковым периодом в Европе. (Дело идет о ближайших трех десятках лет. Чтение крайне занимательное для энтузиастов «прогресса» и поборников «высоких технологий»). Отметим также научную работу *В.Г.Горишкова, К.Я.Кондратьева и С.Г.Шермана* «Устойчивость биосферы и сохранение цивилизации» (журнал «Природа», № 7, 1990 г.) В обеих работах (они, конечно, не единственные) можно видеть далекое от оптимизма понимание происходящего, опирающееся на *количественный* анализ фактического материала.

В ряду внешних симптомов *физиологического* заболевания есть и такой: ощущение боли является страдальцу на поздней стадии. До этих пор болезнь крадется «тихой сапой», исхитряясь блокировать механизмы сигнализации. Причина этого, можно думать, прямо связана с причиной самого заболевания. Если последняя (как полагают) состоит в том, что произведена подсознательная установка организма на самоуничтожение, то, стало быть, сигнализация излишня (стало быть – продолжим – и лечение излишне, если только оно не *меняет* каким-то образом этой подсознательной установки). Как это ни парадоксально, но в последнем пункте дело обстоит небезнадёжно, и мы рады ободрить читателя. Если развивать аналогию, то дело выглядит (или обстоит) таким образом, как если бы имела место «подсознательная установка» природы (и цивилизации вместе) на самоуничтожение. Но применительно к природе (если не принимать взгляд мистический) ее «подсознание» не может быть заключено нигде более, как в коллективном сознании людей. В таком случае соответствующая ее «установка» – если она состоялась – заключена в нашем разуме (вернее было бы сказать, в нашем безрассудстве), то есть до известной степени нам подвластна. Погибнуть ли цивилизации и природе – зависит от нашего сознания!.. Диагноз – не приговор!

2. Ребенок, ковыряющий гранату

Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища.

Евр., 5.12

Надо полагать, в душе читателя исподволь тлеет глубокое недоверие к кошунственным и мрачным выводам: мыслимо ли допустить, чтобы усилия лучших умов человечества (следует перечисление многих десятков только вершинных имен) были ложнонаправленны в своей основе, чтобы враждебность (не просто чуждость) синтетического мира живому (следовательно, человеку) коренилась в самих основах научного знания? Едва ли будут удовлетворены и те, кто с позиций Откровения Св. Иоанна не отыщет *нового* в наших суждениях – ибо «ничто не ново», а в неотвратимости наказания за гордыню научного *псевдознания* они заранее спокойно уверены. К тому же гипотетический наш диагноз попросту не хочется принимать: он крайне неприятен.

Новое все-таки есть, хотя, быть может, и не в суждениях, а в самом повороте дела, ибо кара ждет, как мы видим, не только (виновных) Содом с Гоморрой или не одних (невиновных) динозавров, но ровно ни в чем не повинную земную жизнь целиком! Новое – в том, что мы, кажется, *в силах* сокрушить эту жизнь, не нами созданную. Ведь сколько ни оспаривать термины, нельзя не видеть, что в теле бесценной нашей природы зародилось и разрастается, за ее счет, нечто, развивающееся по чуждым ей законам, по законам некой *мертвой* природы, тупо враждебное ей, слепо агрессивное и сильное. Совпадение же (чуть ли не буквальное) происходящего с библейским представлением о порочности и наказуемости «познания», неспособного довольствоваться *открытым нам в полноте*, скорее, подтверждает наш диагноз.

Не углубляясь пока в «гносеологические корни» столь опасной хвори и предполагая наш диагноз, в рамках аналогии, верным, остановимся на одном следствии этого диагноза.

Приходится предположить, что современная наука, по крайней мере в своей неотъемлемой части – синтезе (говоря проще, при внедрении теорий в практику), входит или вошла, по выражению, принятому у философов, в новый виток «спирали развития». Этот новый виток даже условно не хотелось бы именовать «новоинквизиторским», но смысл термина, к сожалению, подходящ. Хотя нынче повсеместно наука у нас вроде священной коровы, иным ее разделам фактически может угрожать натуральная расправа. Дело, понятно, не в термине, и можно именовать этот новый виток, к примеру, «новоаристотелевым» – опять-таки не имея в виду буквально возвращение к схоластике. На этом новом витке, как его ни называй, ценность современной науки парадоксальным образом меняет знак, и в силу этого чем одареннее ученый, тем потенциально более он заключает в себе возможности нанесения вреда.

Мы принуждены обратиться к примеру известному, но толкуемому нами, увы, обратно. Старшее поколение помнит имя Трофима Денисовича Лысенко. Академик Т. Д. Лысенко был знаменитый мичуринец-селекционер и борец со лженаукой генетикой (в терминах той поры, «менделизмом и морганизмом»). Он изобрел яровизацию зерновых и вырастил необыкновенную пшеницу, – если позволено будет так выразиться, *эксклюзивную и со сверхустойчивым вкусом*. На делянках эта пшеница давала вполне немислимые урожаи.

Трофим Денисович был, по меркам обыденным, не совсем образцовым человеком и, по меркам научным, совсем не образцовым ученым. Пшеницу ту не сеют, и иные новшества не прижились. Говоря проще, Т. Д. Лысенко крупно блефовал. От академика (он скончался в 1976 году) осталась память о большом почете, о еще больших надеждах и о загубленных ученых-генетиках. Список последних возглавляет, по значимости, имя Николая Ивановича Вавилова. Н. И. Вавилов был замечательным и настоящим ученым и в 1943 году умер в тюрьме. Он был гениально одарен и опередил свое время. Все это общеизвестно.

Наша не слишком веселая мысль состоит в том, что мы желали бы всей душой сочувствовать правоте гениального Николая Ивановича. Но... его гонитель – очень возможно, фальсификатор и рутинер – нанес будущему, жизни, кажется, менее вреда, чем великий генетик, ибо Николай Иванович докопался до новых глубин научного знания. Для современных глубин это означает одно: при внедрении вновь открытых закономерностей в практику неизбежен новый подрыв жизненных сил природы. Ибо (смеем думать) до истинной сути природы

не докопаться и триллиону Вавиловых, искалечить же всю ее на Земле может оказаться по силам «генетической бомбе» в руках любого энтузиаста – это, разумеется, при *самом мирном* применении теории; стоит ли говорить о неизбежном *военном* применении всякого подлинно научного открытия? Довольно будет не применения, а его подготовки. Нежданным для многих итогом развития логически корректной генетики может стать – *и, скорее всего, станет* – то, что «биологический Чернобыль», перед которым настоящий покажется шуткой, воплотится въяве. «Залогом» этого может служить хотя бы нынешний ажиотаж около «генорожденной» овечки Долли: «Век биотехнологий», «Сегодня наука находится на пороге беспрецедентного прорыва», «Замечательный эксперимент Уилмута» и т. д. (цитируем по журналу «Business Week», 1997, № 3). Если понимание факта хоть наполовину на самом деле таково, остается признать: наше любезное человечество *не желает* ничему учиться.

Итак, современная наука предположительно входит или вошла в новый виток «спирали развития», на котором ее ценность меняет знак и на котором она сама может оказаться своего рода козлом отпущения за грехи прогресса, – поскольку на основании главным образом ее выводов и рекомендаций произведено множественное индустриальное внедрение в природу, приведшее к нарушению равновесного состояния планеты и естественных природных циклов.

Наука (могут заявить и заявят ей) вызвала к жизни термоядерное и иное оружие, отравила океан и прорвала озоновый слой, на ее счету Чернобыль, Арал и т. д. – от страждущих и гибнущих людей по причине этих и многих других деяний не приходится ждать беспристрастного внимания к аргументам защиты. По крайней мере, упомянем о них.

1. Наука, быть может, виновна лишь в том, что к ее методам взывала и продолжает взывать агрессия человека, экспансия государств и хищничество по отношению к ресурсу природы: в ней видели и продолжают видеть инструмент войны и эксплуатации этого ресурса. Научные результаты если и использовались в прочих целях, помимо хищничества и войны, то разве что по «остаточному» принципу.

2. Существовая, что называется, с вечно протянутой рукой, наука оставалась всегда подневольной и направлялась властью к достижению целей власти – от Архимеда до Оппенгеймера и Сахарова исполняя «царский» (что почти всегда означало военный) заказ: она не имела реального выбора. Практически ей не давали опомниться, напротив, шел и идет ее «разогрев» с самых бездумных позиций.

3. Наконец, никто не просил человечество уверовать в науку как в нечто исчерпывающее и непогрешимое, уповать на нее как на чудо, переоценивать и обожествлять научный анализ; никто не виноват, что человечество так наивно. Наука – только зеркало нас самих.

Этот «лепет оправдания» может не быть услышан. Напротив, куда как зловеще может осветиться то очевидное нынче обстоятельство, что науке изначально присуща «взломная» функция в силу самой природы – если угодно, в силу порочности научного анализа, разделяющего неделимое на части, отбрасывающего при построении своих моделей неведомое «второстепенное», изучающего произвольную, в сущности, абстракцию (об этом мы еще скажем более подробно далее).

Прибавим, что сами ученые продолжают активно способствовать нарастанию в обществе недоверия к науке. Вспомним, что «полезность» дуста (препарата ДДТ) подтверждалась в свое время всепланетно сотнями профессоров, а «мирный атом» во времена Н. С. Хрущева занимал, за самыми авторитетными подписями, полосы чуть не всех популярных изданий, соперничая разве с «химизацией всей страны». Но и поныне поворот рек «вспять», с трогательным упорством воплощаясь въяве в безденежной России, обеспечивается изысканиями серьезной науки; не унимается сочувственная пропаганда в пользу развития той или иной энергетики с опорой на неотразимый довод о крайней надобности расширенного производства энергии: от академика, в кабинетной тиши восположившего, что «человечеству нужна энергия», до идиота-ударника, сбрасывающего бетон в Енисей, мы взяты в угрюмые заложники этой доктрины,

в то время как уже производимая в мире энергия используется не «варварски» и не «с низким КПД», но почти вся прямо *во вред* человеку и природе; почти пародийно-тупо продолжается научная же пропаганда применения, само применение и даже развертывание производства пестицидов и искусственных (минеральных) удобрений, отвергнутых самой практикой потребления продуктов, и т. д. Примеры научного патронажа над самыми дикими затеями можно продолжать без числа – так, в уже цитированном номере «Business Week» рекламируется *финансируемый* проект одновременного запуска 1700 (тысячи семисот!) спутников связи, включая низколетящие... Тем временем районы и регионы, *реально* бывшие земным раем (река Припять), обращены в ад, значительные и вполне здоровые территории не приметно вплыли в зоны бедствия, неслышно расплзается дыра в озоновом слое Земли – не без помощи все новых космических запусков, стимулируемых отнюдь не одними только связными корпорациями: со снижением военной значимости им лихорадочно подыскивается всевозможная «польза» – это ли не прямые следствия внедрения технических, технологических, социальных, биологических и иных научных доктрин, в коих, надо полагать, каждый абзац был научно обоснован, выдержал «проверку практикой» и украшен сосчитанным «положительным эффектом», а сегодня и «коммерческой выгодой»?..

Кажется, необходима известная коррекция нашего суждения о сугубой опасности таланта в науке: не следует недооценивать и лишенных оно. Вполне лишенных его и нет; но и лишенные – не таланта, а отчасти интеллекта – достигают своих целей замечательной активностью. Вероятно, продвигайся научное познание вообще усилиями одной духовной черни, человечество по сей день увлеченно занималось бы рычагами 1-го рода, что послужило бы ему только ко благу. Но на деле именно этой, мало вменяемой и практически безответственной категорией самоотверженно продвигается то, что уже «расколото» оригинальным исследователем. Если последний озабочен термоядерным синтезом, психотронным оружием, клонированием и подобными прелестями, то первые успешно возводят в мировых столицах мусоросжигающие заводы (припоминается, что в природе – а хоть и в том же русском крестьянском хозяйстве – сроду не было проблемы «мусора», не чудеса ли?), ведут и планируют «осушение» и «орошаемое земледелие» (для простоты в одном и том же месте, как в Мещерском крае: воду вначале выжимают из почвы в каналы, и она уходит; затем *естественные*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.